СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

УДК 930.2

Дьяченко А.Г. [1]

СВЕДЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ПОЛАТОВСКОМ ВАЛЕ ИЗЮМСКОЙ ЧЕРТЫ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Dyachenko A. G.

POLATOWSKI SHAFT IZYUM FEATURES OF THE LAST QUARTER

Belgorod state national research University

Реферат: *Предметом изучения является фортификационное сооружение Полатовский вал, как составная часть Изюмской черты на Юге Российского государства последней четверти XVII века. В центре внимания анализ письменных источников и историографии вопроса в трудах Д.И. Багалея, Е. Альбовского, А.А. Новосельского, А.Г. Слюсарского, В.М. Важинского, Я.Е. Водарского, В.П. Загоровского. Автор приходит к обоснованным выводам, что строители во многом следовали опыту сооружения линейных укреплений, выработанному отечественной позднесредневековой практикой в борьбе с набегами татар. Вместе с тем вал имел и свои индивидуальные черты, обусловленные боевыми средствами и тактикой армии основного противника – Турции.*

Ключевые слова: *Изюмская черта, оборонительные укрепления от татар, внешняя политика России на юге в XVII веке, Д.И. Багалей, Е. Альбовский, А.А. Новосельский, А.Г. Слюсарский, В.М. Важинский, Я.Е. Водарский, В.П. Загоровский .*

Abstract : *The object of study is a fortification Polatowski shaft in southern Russia last quarter of the seventeenth century. The research is based on full-scale geodesic and archaeological research with extensive use of cartographic material and information from written sources. Separate sections of fortifications are highlighted, and all components of the fortification are considered in detail. The builders followed the experience of building linear fortifications, developed by Russian late medieval practice in the fight against Tatar raids. Fortification also had its own individual features.*

Keyword: *Izumskaya line, defensive fortifications from the Tatars, Russian foreign policy in the South in the XVII century, rampart, ditch, escarpment, redan.*

[1] **Дьяченко Александр Григорьевич** - кандидат исторических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета; belarch@mail.ru

Ворсклинско-Оскольский выступ лесостепи между Днепром и Доном, глубоко вклинивавшийся в подвластное номадам степное пространство, в сер.I тысячелетия н. э. был заселен народом hrus/hros/*русь*[2], передавшим этот автоэтноним восточным («руским») славянам [23; 8; 9; 13; 17]. На протяжении втор. пол. VII – перв. четв. X вв. большая часть региона принадлежала юго-восточной группе славян северянского племенного союза «ПВЛ», генетически близкого hrus/hros (*руси*) сирийского компилятора [23; 8; 9; 13; 17]. В домонгольское время Ворсклинско-Оскольскую лесостепь защищали от набегов кочевников крепости-форпосты, зафиксированные в картографическом труде 1154 г. ал-Идриси. Города, отмеченные арабским географом XII в., образовали Донецкую оборонительную линию, выдвинутую Русским государством на границу с Половецкой степью [8; 14; 15].

После монгольского нашествия славянская оседлость в Днепровском лесостепном Левобережье значительно поредела, но не исчезла полностью. Заселенность края в форме земледельческо-скотоводческих очагов обитания севрюков – потомков северян XI–XIII вв., продолжала бытовать в цепочке местных древнерусских городищ (см., напр.: [8, с. 22; 30, с. 360]) и промысловых угодий до конца XVII в. [4; 5], сосуществуя с появившимся около столетия раньше новым русским населением. Степи Северного Причерноморья с приходом монголов превратились в «Дикое» татарское поле.

Московское государство смогло отторгнуть у ВКЛ северо-восточную половину «Поля» как исконно русскую землю в начале XVI в. Уже с 40-х гг. в степном течении бассейна Северского Донца возникают места концентрации вольных казаков – беглого украинского (по происхождению – «руского») и собственно позднесредневекового русского этноса. В среднем и нижнем течении Донца и в Приосколье поселения вольных казаков известны до конца XVII в. (ср.: [19, с. 24–25; 20, с 89; 21, с. 110–112, 118–119, 121–123]). В 1596–1599 гг. в юго-восточном ареале «Поля» возникают первые русские города-крепости Белгород, Валуйки и Царев-Борисов. На их базе развернулся процесс формирования сословий служилых людей, в т. ч. казачества, а также немногочисленного крестьянства.

Районы к югу от Белгорода и по

[2] По свидетельству Псевдо-Захария, сирийского переводчика с греческого «Церковной истории» Захария Ритора (VI в.), осуществившего перевод в измененной и сокращенной форме (см.: [*Пигулевская, 2000. С. 568*]).

Осколу до середины XVII в. оставались малоосвоенными и обычно использовалась в промыслово - хозяйственных целях русскими людьми и украинцами, складывавшимися с конца XV – начала XVI вв. в границах ВКЛ и Речи Посполитой в особый этнос. В первые три десятилетия второй половины XVII в. ареал выделялся медленным и неравномерным демографическим ростом преимущественно за счет притока украинских переселенцев. В 70-х гг. XVII в. значительно увеличилась численность населения Харьковского полка. Очень медленно осваивалось Приосколье на участе Валуйки – Царев-Борисов и берега Сев. Донца от устья Мжи до Тора [19, с. 62, 72, 76]. В итоге к середине XVII в. в регионе восстановилась неплотная, но прочная восточнославянская оседлость. В 50–60-х гг. в условиях Освободительной войны украинского народа против Польши и в русско-польской войне за Украину московское правительство разрешало черкасам поселение под защитой Белгородской черты, однако с 70-х гг. XVII в. их размещали «за Чертой» [19, с. 50].

Стремление России закрепить исторические права на территорию, прилегавшую к Хотмыжску, Белгороду, Яблонову, Новому Осколу и Усерду между Ворсклой, Мжой, Оскол и ограниченную небольшим соседним участком степного бассейна Сев. Донца не осталось незамеченным. В 1667 г. Блистательная Порта отказалась признать факт русско-украинской за-селенности региона и подписать статьи, согласованные Речью Посполитой и Россией в Анд-русово. Гетман Правобережной Украины Петр Дорофеевич Дорошенко, не добившись от Москвы военной помощи против Польши на протяжении двухлетних переговоров (руки первопрестольной были связаны условиями Андрусовского перемирия), заключил антипольский военно-политический союз с Османской империей и Крымским ханством [20, с. 332, 334], что противоречило стратегическим интересам России. Опираясь на ситуативную позицию гетмана и пользуясь активной поддержкой Крыма, Турция заявила претензии на всю территорию Украины. В 1672 г. 250-тысячная турецко-татарская армия вторглась в Подолье. После взятия Каменец-Подольска и возникновения прямой угрозы захвата городов Бучач и Львов Польша попросила о мире. В 1672 г. по Бучачскому договору Подолье стало турецкой провинцией, а Днепровское Правобережье – регионом под властью П. Д. Дорошенко и протекторатом Османской империи.

В 1677 г. правительство Федора

Алексеевича, недооценив действия отряда во главе с воеводой И. Ф. Волынским в районе турецкой крепости Азов, вывело подчиненных ему ратных людей из низовьев Дона. Турецкая сторона, воспользовавшись ситуацией, бросила азовский гарнизон и большое количество татар на Украину и к Белгородской черте. Стремительным рывком из-под Азова татары 15 июля 1677 г. подошли к Новому Осколу и преодолели «обозженный вал» в Верхососенском и в Новооскольском уездах[3].

В начале сентября 1677 г., вскоре после окончания первого Чигиринского сражения, татары вновь появляются в Новооскольском уезде у «проломного места» в валу, однако 4 сентября русские войска подвергли их сокрушительному разгрому.

Столкновения с татарами на Белгородской черте, сопровождавшиеся разрушением долговременных заграждений, заставили Разрядный приказ принять принципиальное решение о необходимости усиления защиты доступного для татар района к югу от Нового Оскола и Усерда [19, с. 85–87, 91–95].

В феврале 1678 г. воевода Белгородского полка Г.Г. Ромодановский в отписке-предостережении уведомлял воронежского воеводу о полученных из Москвы планах дальнейших военных действий Турции и Крымского ханства против России и Украины: «Турской Салтан со многими ордами хочет итить войною под Киев и под Чигирин и на Малороссийские городы, на Сырную неделю (*Масленицу.* – А. Д.), и **войска […] его турские все в зборе** на Дунае и на Днестре, а **пушки и всякие припасы приготовлены на сей стороне Днепра**; а наперед себя Турской же Салтан велел Крымскому Хану со всеми крымскими и с ногайскими ордами итить нынешним ранним путем вскоре Муравским шляхом на его, государевы, украинные и северские и малороссийские городы и чтоб отнять дорогу, и в Киев и в Чигирин ево, великого государя, ратных людей и хлебных запасов не пропустить» [29, с. 619–620].

В июле 1678 г. турецко-татарская армия вторично осадила Чигирин, который обороняли 12,6 тысяч украинских казаков и русских солдат. Взятие Чигирина не обеспечило врагу стратегического успеха. В сраже-

[3] Дубовый ослон вала между земляными городками Верхососенского участка выгорал в 1667–1668 гг. (см.: [Зиновьев, [1669]. Л. 76–77]). Ослонение Новооскольского вала татары выжгли «во многих местах» в 1673 г. Тогда противник впервые прорвался за Белгородскую черту у стыка Новооскольского и Верхососенского участков. Татары не раз проходили здесь в южные уезды России и в 1674 – 1676 гг. [*Загоровский, 1969. С. 193, 285–286*].

нии на правом берегу Днепра, где встретились главные противоборствующие силы, турки и татары были наголову разбиты. Понеся тяжелые потери, турецкая армия была вынуждена оставить разрушенный Чигирин. Вскоре правительство Турции вывело большую часть своих войск за пределы Украины, а полки Г.Г. Ромодановского отошли за Днепр [29, с. 335–339].

Тем не менее, военное столкновение с Турцией виделось далеким от завершения. Оставалась реальной также угроза крупных татарских вторжений[4]. Сложившаяся ситуация убедила российское правительство в необходимости перейти к реализации планов по защите региона площадью около 30 тыс. км^2, простиравшегося на 150–200 км южнее юго-западного отрезка Белгородской черты. Решение Разрядного приказа о начале строительства оборонительных сооружений состоялось 5 июля 1678 г. [19, с 97]. После небольших земляных работ 1679 г. (было насыпано около 2,5 км вала) толчком к ускоренному проведению крупных военно-оборонительных мероприятий южнее Белгородской черты стал январский (1980 г.) набег татар по Муравской дороге к верховьям Мерлы. Окончательное решение о строительстве укрепленной линии по уточненному проекту (от Усерда к Полатовскому лесу и вдоль рек Валуя, Оскола, Сев. Донца и Мжи), вероятно, было принято 25 марта 1680 г. [19, с. 110, 119, 124] в ожидании летнего наступления турок на Киев. Новая линия протяженностью ≈ 530 км строилась с конца июня по конец августа 1680 гг. в условиях относительного затишья в боевых действиях на последнем этапе (1679–1681 гг.) русско-турецкой войны 1673–1681 гг. [19, с. 5, 79, 113, 155, 129–130] и стала еще одним оборонительным рубежом Москвы против агрессивных устремлений во внешней политике Оттоманской Порты и Крымского ханства (рис.1).

Изюмская черта[5] прикрыла от набегов крымцев южные российские и украинские города, как давно возникшие, так и вновь появившиеся на бывших древнерусских землях. Факт принадлежности этой территории России у современников не вызывал никаких сомнений. В. Семенов –

[4] Летом 1679 г. имел место кратковременный набег татар, но турки в пределы Украины и России не вторгались.

[5] Понятие «Изюмская черта» в официальных правительственных документах появляется после основания города Изюма (1681 г.) и создания Изюмского казачьего полка (1685 г.). До этого времени Черту называли «Новой» или «Новопостроенной». В научный обиход выражение «Изюмская черта» ввел А.А. Новосельский [*Загоровский, 1969. С. 287; 1980. С. 8–9*].

думный дьяк и один из руководителей Разрядного приказа, в справке, написанной в 1686 г. об Изюмской черте, сообщал: «Со 185-го году … от прежней черты, от Усерда к Полатову-городку[6] через Кальмиюскую сакму в защиту Новому Осколу, и Верхососенскому, и Усерду и иным тамошним городом зделано вновь валу и крепостей на 15 верстах. А от Полатова ведены крепости ж к Волуйке, а от Волуйки положена черта вновь к Цареву-Борисову и к Валкам на 200 верстах и больше в защиту новопостроенным черкасским городом Харьковского полку, которые построены вновь за Белогородцкою чертою» (цит. по: [19, с. 227]). С постройкой Изюмской линии юго-западный фланг Белгородской черты не утратил оперативно-тактического значения. И после этого события гарнизоны его городов долго оставались в поле зрения русского правительства [19, с. 143].

Самым грандиозным военно-инженерным сооружением Изюмской черты был мощный земляной вал и ров, простиравшиеся от правого берега р. Тихой Сосны до Полатовского (Валуйского) леса на длину 27,8 км. Их удалось соорудить за 2 неполных строительных сезона 1679–1680 гг. Официальное название – «Полатовский вал» – сооружение получило в августе – сентябре 1679 г. [19, с. 109, 130]. В основных строительных работах (1680 г.) участвовало около 50 тыс. русских и украинцев – крестьян, холопов, горожан и ратных людей под руководством «волового дела мастеров» [19, с. 107–109, 111–112, 119–122, 131, 133, 155][7].

Научные труды, связанные с историей объекта, немногочисленны. В

[6] Имеется в виду украинский городок Полатов (Старый Полатов), основанный острогожскими черкасами «за чертой» в 1671 г. [*Загоровский,1980. С. 91, 129, 194–195*], т. е. до начала строительства Полатовского вала. На этом месте сегодня находится с. Палатово – поселение в Красногвардейском р-не Белгородской обл. Русский средневековый город Новый Полатов, планировавшийся постройкой у южного завершения Полатовского вала, во время сооружения Изюмской черты оставался только в проекте. Лишь в конце 80-х гг. XVII в. атаман Василий Ливенец и его сын Дмитрий на месте, где думали построить Новый Полатов, основали черкасский городок Новый Полатов, или Ливенцеву слободу (ныне с. Ливенка) [*Загоровский, 1980. С. 192–194, 225*].

[7] У нас нет сведений о том, какими вспомогательными средствами располагали работные люди, насыпавшие Полатовский вал. Инструментарий и вооружение строителей Козловского вала в 1636 г. состояли из лопаты, топора и рогатины. Заступы и кирки привозили также из Москвы [*Кошелев, 1958. С. 141*]. Во время возведения Усмани и земляного вала в 1645 г. каждый участник строительства должен был явиться к месту сбора с лошадью, телегой и топором. На 5 человек полагалось иметь одну железную лопату**.** Обязательное вооружение ог-раничивалось пищалью и рогатиной [*Загоровский, 1969. С. 112*].

работах Д.И. Багалея, Е. Альбовского, А.А. Новосельского, А.Г. Слюсарского, В.М. Важинского, Я.Е. Водарского и др. исследователей Изюмская черта или упоминалась, или рассматривалась в общем плане в связи с различными аспектами российской и украинской истории [1; 2; 3; 6; 7; 22; 28;]. Значительный шаг вперед в историческом изучении сооружения сделал В.П. Загоровский. Базируясь на письменных источниках, он рассмотрел историю проектирования и строительства Полатовского вала, определил его роль в системе оборонительного комплекса Изюмской черты [18; 19].

Вытянутая на многие километры пространственная композиция памятника в течение XVIII–XX вв. постепенно разрушалась под воздействием естественных и техногенных факторов, но, к сожалению, долго не привлекала внимания археологов. В 1993–1994 гг. фиксационное обследование Полатовского вала впервые осуществил разведочный отряд Славяно-Русской археологической экспедиции Управления культуры Белгородской области под руководством А.Г. Дьяченко. Работы носили рекогносцировочный характер и проводились в непростой экономической ситуации. Полученные материалы планировалось включить в археологический выпуск областного Свода памятников истории и культуры РФ, однако завершить его подготовку не удалось. Результаты осмотров Полатовского вала частично отражены в ряде предварительных публикаций [11; 12; 24; 25; 26; 27].

Рис. 1. Изюмская и Белгородская черта.

Список источников и литературы:

1. Альбовский Е. Харьковские казаки. Вторая половина XVII ст. СПб.,1914. 236 с.

2. Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1877. 614 с.

3. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків, 1990. 255 с.

4. Багновская Н.М. Севрюки: население Северской земли в XIV-XVI вв. М., 2002. 48 с.

5. Багновская Н.М. Северская земля: этнодинамика населения в VIII-XVIII в. М., 2016. 214с.

6. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. 237 с.

7. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII веков. М., 1977. 263 с.

8. Дьяченко А.Г. Славянские памятники VIII – середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1983. 23 с.

9. Дьяченко А.Г. О культуре населения Днепро-Донской лесостепи в I тыс. н. э. (по материалам селища Занки) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси: Материалы науч. конф. Воронеж, 1993. С. 21–24.

10. Дьяченко А.Г., Ряполов В.М. Отчет о полевых обследованиях Полатовского вала Изюмской черты на территории Красногвардейского района Белгородской области в 1993–1994 гг. Рукопись. Текущий архив Управления культуры Белгородской области. Фонд Управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области. – На тит. л.: Белгород, 1995. – 14 с. + 1 с. прил.+ 43 рис.

11. Дьяченко А.Г. К итогам работы по созданию Свода и базовой Карты археологических памятников Белгородской области // Полвека Белгородской области: итоги, проблемы, перспективы (к 50-летию образования Белгородской области): Сб. науч. тр. региональной науч.-практ. конф. 27–28 ноября 2003 г. Старый Оскол: Старооскольский технологический институт МИСиС, 2003. С. 221–224.

12. Дьяченко А.Г. Выявление, картографирование и кодификация археологических памятников Белгородской области (1983–2003) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. Т. 1. Белгород, 2006. С. 293–299.

13. Дьяченко А.Г. Культурная динамика и хронология роменского поселения на Хотмыжском городище // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья: Материалы науч. конф. Воронеж, 2008а. С. 80–85.

14. Дьяченко А.Г. Северско-Донецкая окраина Юго-Восточной Руси в картографическом труде середины XII в. // Проблемы археологии Восточной Европы: К 85-летию Б.А. Шрамко. Харьков, 2008б. С. 83–90.

15. Дьяченко А.Г. Хотмысль – древнерусский пограничный город в верховьях Ворсклы (вторая половина XII – середина XIII вв.) // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 2008в. С. 78–82.

16. Дьяченко А.Г. Два фиксационных «чертежа» Белгорода с западным флангом Бел-

городской черты в контексте истории отечественной картографии первой четверти XVIII в. // Вестник ЕГУ. Вып. 23. Сер. «Археология». Елец, 2009. С. 137– 146.

17. Дьяченко А.Г. О Днепровско-Левобережном локальном варианте пеньковской культуры и его месте в истории южной «Руской земли» // Проблеми історії та археології України: Матеріали XI Всеукраїнської наукової конференції до 60-річчя від початку дослідження Більського городища Харківським університетом. 14–15 грудня 2018 року. Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна; Харківське обласне історико-археологічне товариство, 2018. Режим доступа: https://khiao.files.wordpress.com/2018/12/Materialy onf_2018_%D0%-A5%D0%86%D0%90%D0%9E.pdf

18. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. 303 с.

19. Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. 237 с.

20. История внешней политики России. Конец XV-XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / А.В. Виноградов, Е.И. Кобзарева, Г.А. Санин и др. М., 1999. 448 с.

21. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). – Ростов н/Д, 1998. 510 с.

22. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. 448 с.

23. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. Т. XVII. М.; Л., 1953. С. 23-104.

24. Ряполов В.М. Исследование Полатовского вала Изюмской черты // Проблемы музееведенияния, сохранения и восстановления исторической памяти: Материалы науч. конф. 23–24 мая 1993 г. Харьков, 1993. С. 106 – 107.

25. Ряполов В.М. Археологічні розвідки Полатівського валу Ізюмської лінії // Проблеми музеєзнавства, збереження та відновлення історичної пам'яті: Матеріали наук. конф. 24–25 травня 1994 р. Харків, 1994. С. 76–77.

26. Ряполов В.М. Полатівський вал Ізюмської лінії за даними археологічних досліджень // Збірка статей аспірантів. Харків, 1997. С. 49–50.

27. Ряполов В.М. Двенадцатый Археологический съезд в г. Харькове и полевые исследования Белгородской, Изюмской черт и Украинской оборонительной линии // Культура та інформаційне суспільство XXI століття: Матеріали наук. конф. молодих учених. 16-18 квітня 2003 року. Харків, 2003. С. 42–45.

28. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины в XVII–XVIII вв. Харьков, 1964. 457 с.

29. Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Т. 5. Воронежские древние акты. VI–XI. Воронеж, 1914. VIII, 703 с.

30. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. 404 с.

References:

1. Al'bovskij E. Har'kovskie kazaki. Vtoraya polovina XVII st. SPb.,1914. 236 s.

2. Bagalej D.I. Ocherki iz istorii kolonizacii i byta stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva. M., 1877. 614 s.

3. Bagalij D.I. Istoriya Slobids'koï Ukraïni. Harkiv, 1990. 255 s.

4. Bagnovskaya N.M. Sevryuki: naselenie Severskoj zemli v XIV-XVI vv. M., 2002. 48 s.

5. Bagnovskaya N.M. Severskaya zemlya: etnodinamika naseleniya v VIII-XVIII v. M., 2016. 214 s.

6. Vazhinskij V.M. Zemlevladenie i skladyvanie obshchiny odnodvorcev v XVII v. (po materialam yuzhnyh uezdov Rossii). Voronezh, 1974. 237 s.

7. Vodarskij YA.E. Naselenie Rossii v konce XVII-nachale XVIII vekov. M., 1977. 263 s.

8. D'yachenko A.G. Slavyanskie pamyatniki VIII – serediny XIII vv. v bassejne Severskogo Donca: Avtoref. diss. … kand. ist. nauk. M., 1983. 23 s.

9. D'yachenko A.G. O kul'ture naseleniya Dnepro-Donskoj lesostepi v I tys. n. e. (po materialam selishcha Zanki) // Arheologiya i istoriya YUgo-Vostoka Drevnej Rusi: Materialy nauch. konf. Voronezh, 1993. S. 21–24.

10. D'yachenko A.G., Ryapolov V.M. Otchet o polevyh obsledovaniyah Polatovskogo vala Izyumskojskoj cherty na territorii Krasnogvardejskogo rajona Belgorodskoj oblasti v 1993–1994 gg. Rukopis'. Tekushchij arhiv Upravleniya kul'tury Belgorodskoj oblasti. Fond Upravleniya gosudarstvennoj ohrany ob''ektov kul'turnogo naslediya Belgorodskoj oblasti. – Na tit. l.: Belgorod, 1995. – 14 s. + 1 s. pril.+ 43 ris.

11. D'yachenko A.G. K itogam raboty po sozdaniyu Svoda i bazovoj Karty arheologicheskih pamyatnikov Belgorodskoj oblasti // Polveka Belgorodskoj oblasti: itogi, problemy, perspektivy (k 50-letiyu obrazovaniya Belgorodskoj oblasti): Sb. nauch. tr. regional'noj nauch.-prakt. konf. 27–28 noyabrya 2003 g. Staryj Oskol: Starooskol'skij tekhnologicheskij institut MISiS, 2003. S. 221–224.

12. D'yachenko A.G. Vyyavlenie, kartografirovanie i kodifikaciya arheologicheskih pamyatnikov Belgorodskoj oblasti (1983–2003) // YUg Rossii v proshlom i nastoyashchem: isto-riya, ekonomika, kul'tura: Sb. nauch. tr. IV Mezhdunar. nauch. konf. T. 1. Belgorod, 2006. S. 293–299.

13. D'yachenko A.G. Kul'turnaya dinamika i hronologiya romenskogo poseleniya na Hotmyzhskom gorodishche // Vostochnoslavyanskij mir Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya i kochevniki yuzhno-russkih stepej v epohu rannego srednevekov'ya: Materialy nauch. konf. Voronezh, 2008a. S. 80–85.

14. D'yachenko A.G. Severskо-Doneckaya okraina YUgo-Vostochnoj Rusi v kartograficheskom trude serediny XII v. // Problemy arheologii Vostochnoj Evropy: K 85-letiyu B.A. SHramko. Har'kov, 2008b. S. 83–90.

15. D'yachenko A.G. Hotmysl' – drevnerusskij pogranichnyj gorod v verhov'yah Vorskly (vtoraya polovina XII – seredina XIII vv.) // Rossijsko-Belorussko-Ukrainskoe po-granich'e: problemy formirovaniya edinogo sociokul'turnogo prostranstva – istoriya i perspektivy: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Bryansk, 2008v. S. 78–82.

16. D'yachenko A.G. Dva fiksacionnyh «chertezha» Belgoroda s zapadnym flangom Belgorodskoj cherty v kontekste istorii otechestvennoj kartografii pervoj chetverti XVIII v. // Vestnik EGU. Vyp. 23. Ser. «Arheologiya». Elec, 2009. S. 137– 146.

17. D'yachenko A.G. O Dneprovsko-Levoberezhnom lokal'nom variante pen'kovskoj kul'tury i ego meste v istorii yuzhnoj «Ruskoj zemli» // Problemi istorії ta arheologії Ukraï-ni: Materiali XI Vseukraïns'koї naukovoї konferencії do 60-richchya vid pochatku doslidzhennya Bil's'kogo gorodishcha Harkivs'kim universitetom. 14–15 grudnya 2018 roku. Harkiv: HNU im.

V.N. Karazina; Harkivs'ke oblasne istoriko-arheologichne tovaristvo, 2018. Rezhim dostupa: https://khiao.files.wordpress.com/2018/12/Materialy onf_2018_%D0%-A5%D0%86%D0%90%D0%9E.pdf

18. Zagorovskij V.P. Belgorodskaya cherta. Voronezh, 1969. 303 s.

19. Zagorovskij V.P. Izyumskaya cherta. Voronezh, 1980. 237 s.

20. Istoriya vneshnej politiki Rossii. Konec XV-XVII vek (Ot sverzheniya ordynsko-go iga do Severnoj vojny) / A.V. Vinogradov, E.I. Kobzareva, G.A. Sanin i dr. M., 1999. 448 s.

21. Mininkov N.A. Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.). – Rostov n/D, 1998. 510 s.

22. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. M.; L., 1948. 448 s.

23. Rybakov B.A. Drevnie rusy // SA. T. XVII. M.; L., 1953. S. 23-104.

24. Ryapolov V.M. Issledovanie Polatovskogo vala Izyumskoj cherty // Problemy mu-zeevedeniyaniya, sohraneniya i vosstanovleniya istoricheskoj pamyati: Materialy nauch. konf. 23–24 maya 1993 g. Har'kov, 1993. S. 106 – 107.

25. Ryapolov V.M. Arheologichni rozvidki Polativs'kogo valu Izyums'koï liniï // Pro-blemi muzeєznavstva, zberezhennya ta vidnovlennya istorichnoï pam'yati: Materiali nauk. konf. 24–25 travnya 1994 r. Harkiv, 1994. S. 76–77.

26. Ryapolov V.M. Polativs'kij val Izyums'koï liniï za danimi arheologichnih doslidzhen' // Zbirka statej aspirantiv. Harkiv, 1997. S. 49–50.

27. Ryapolov V.M. Dvenadcatyj Arheologicheskij s''ezd v g. Har'kove i polevye is-sledovaniya Belgorodskoj, Izyumskoj chert i Ukrainskoj oboronitel'noj linii // Kul'tura ta infor-macijne suspil'stvo XXI stolittya: Materiali nauk. konf. molodih uchenih. 16-18 kvitnya 2003 roku. Harkiv, 2003. S. 42–45.

28. Slyusarskij A.G. Social'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshchiny v XVII–XVIII vv. Har'kov, 1964. 457 s.

29. Trudy Voronezhskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii. T. 5. Voronezhskie drevnie ak-ty. VI–XI. Voronezh, 1914. VIII, 703 s.

30. Shramko B.A. Drevnosti Severskogo Donca. Har'kov, 1962. 404 s.